Эми Липтрот

Выгон

«Ад Маргинем Пресс»

2016

УДК 821.111-312.6
ББК 84(4Вел)6-442.3

Липтрот Э.

Выгон / Э. Липтрот — «Ад Маргинем Пресс», 2016

ISBN 978-5-91103-569-3

Литературный дебют, принесший автору, журналистке Эми Липтрот (род. 1984), премию Уэйнрайта за лучшую книгу о природе за 2016 год и премию британского Пен-клуба за лучшую автобиографию (PEN Ackerley Prize) за 2017-й, – это история о побеге из шумного Лондона на заливные луга Оркнейских островов. Изложенная в форме откровенного дневника, она документирует обретение героиней-повествовательницей себя через борьбу с ложными привязанностями (сигареты – кока-кола – отношения – интернет), которые пришли на смену городским опытам с алкоголем и наркотиками. Когда-то юная Эми покинула удаленный остров архипелага на северо-востоке Шотландии, чтобы завоевать столицу королевства, пополнив легион фриланс-работников креативных индустрий. Теперь она совершает путешествие назад, попутно открывая дикую мощь Атлантического океана и примиряя прошлое с настоящим. То, что началось как вынужденная самоизоляция, обернулось рождением новой жизни. Книга стала заметным событием в современной британской прозе, породив моду на полузабытый уголок шотландского побережья.

УДК 821.111-312.6
ББК 84(4Вел)6-442.3

ISBN 978-5-91103-569-3

© Липтрот Э., 2016
© Ад Маргинем Пресс, 2016

Содержание

Глоссарий[1] 9
Пролог 11
Глава 1 12
Глава 2 16
Глава 3 20
Глава 4 25
Конец ознакомительного фрагмента. 28

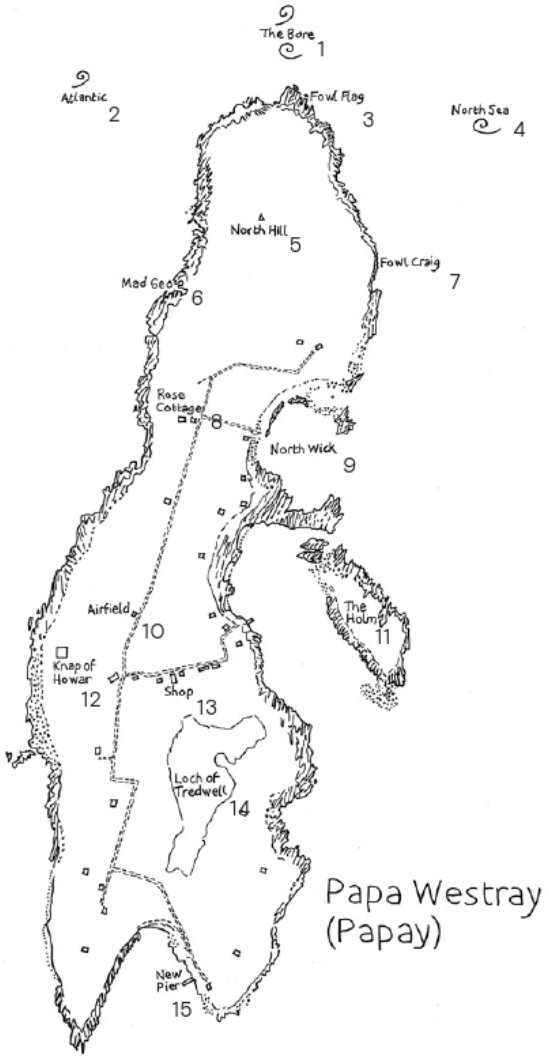
Выгон
Эми Липтрот

This edition is published by arrangement with Canongate Books Ltd, 14 High Street, Edinburgh EH1 1TE and The Van Lear Agency LLC.

В качестве иллюстраций использованы снимки сервиса Google Maps

© Amy Liptrot, 2016
© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2021

⁂



Папа-Уэстрей (Папей)

1. Приливное течение Бор
2. Атлантический океан
3. Фоул-Флэг
4. Северное море
5. Северный холм
6. Залив Мэд
7. Фоул-Крейг
8. Розовый коттедж
9. Норт-Уик
10. Аэродром
11. Хоум
12. Нэп-оф-Хауар
13. Магазин
14. Озеро Тредвалл
15. Новый причал

Оркнейские острова
1. Уэстрей
2. Папей
3. Фэр-Айл
4. Норт-Рональдсей
5. Раузи
6. Идей
7. Сандей
8. Стронсей
9. Сул-Скерри
10. Ферма
11. Шапинсей
12. Стромнесс
13. Мейнленд
14. Керкуолл
15. Копинсей
16. Хой
17. Флотта
18. Атлантический океан
19. Пролив Пентленд-Ферт
20. Северное море
21. Материковая Шотландия

Глоссарий[1]

Белтейн
кельтский праздник костров, символизирующий плодородие и обновление жизненных сил; отмечается 1 мая, между весенним равноденствием и летним солнцестоянием

бонкси
большой поморник

Веселые Танцоры
северное сияние

гримлины, летняя полутьма
время между закатом и рассветом

дунди
треска

йоль
парусная лодка

каирн

[1] Дополнен переводчиком.

насыпь в виде груды камней, обычно имеющая погребальный или мемориальный характер

кирка
церковь

клубки
морские водоросли

Ламмас
праздник первого урожая, символизирующий начало осени; отмечается 1 августа

ок
кайра

селки
тюлени

струйки
моллюски

трау
злые духи; выбираются из своих жилищ только по вечерам и проникают в дома, когда их обитатели спят

тэтти
картошка

Ужин Бёрнса
национальный шотландский праздник в честь дня рождения поэта Роберта Бёрнса; отмечается 25 января торжественным ужином

хаггис
национальное шотландское блюдо: бараньи потроха с луком, салом и приправами, сваренные в бараньем желудке

Хогманай
праздник последнего дня в году, отмечается 31 декабря, включает в себя традиционные факельные шествия и посещение друзей и родственников

хоум
островок

Пролог

Островной аэропорт; шум вертолетных двигателей. Молодую женщину, прижимающую к себе новорожденного ребенка, везут в коляске навстречу мужчине в смирительной рубашке – тоже в коляске.

Обоим по двадцать восемь, и оба побывали сегодня в маленькой местной больнице: там женщине помогли родить первенца, а мужчину, вопящего и потерявшего контроль над собой, накачали успокоительными.

На Оркнейских островах, расположенных на севере Шотландии, между Северным морем и Атлантическим океаном, подтачиваемых морем и шлифуемых ветром, есть и больница, и аэропорт, и кинотеатр, и две средние школы, и супермаркет. Одного там нет – изолятора для психически больных людей, представляющих опасность для самих себя и окружающих. Если случай подпадает под закон о психическом здоровье, пациента отправят на юг, в Абердин.

Когда смотришь сверху, например из окна самолета, в котором везут нефтяников на буровую установку или посылки с континента, взлетно-посадочная полоса сильно выделяется на фоне равнинного пейзажа, лишенного деревьев. Аэропорт часто закрывают на целые дни из-за сильного ветра или туманов с моря. Здесь, под надзором диспетчерских служб, среди низколежащих островов и под бескрайним небом, разыгрываются повседневные драмы прощаний и встреч.

В тот майский вечер, когда маргаритки закрывали на ночь свои бутоны, кайры и моевки с полными клювами песчанок для своих птенцов возвращались на утесы, а овцы укрывались за стенами из камней, началась моя история. Я пришла в этот островной мир, а отца оттуда будто выдернуло. Я родилась на три недели раньше срока – и это стало триггером для очередного его маниакального эпизода.

Мама знакомит мужчину, моего отца, с его крошечной дочкой, совсем ненадолго кладет меня к нему на колени, а затем его сажают в самолет, и он улетает. Что она говорит ему, неизвестно. Слова заглушает шум мотора или уносит ветер.

Глава 1
Выгон

В первый день после возвращения домой я сижу за старым морозильным ларем, среди жгучей крапивы, и смотрю на надвигающиеся тучи. Шум волн не так уж сильно отличается от шума лондонского транспорта.

Ферма находится на западе главного и самого большого из Оркнейских островов, на той же широте, что Осло и Санкт-Петербург. От Канады меня отделяют только скалы и океан. Сельскохозяйственные технологии изменились, на ферме появились новые постройки и новое оборудование, однако старые сараи и инструменты никуда не делись: вот они, гниют и ржавеют на соленом воздухе. Сломанный ковш экскаватора служит лоханью для овец. Стойла, где раньше держали скот, теперь завалены вышедшим из строя оборудованием и старой мебелью, вынесенной из дома. В этом коровнике я когда-то сделала качели, привязав веревки к балкам, и висела вниз головой над воротами, которые теперь вросли в землю и проржавели.

На юг ферма тянется по побережью до полосы песчаной почвы, переходящей в берег залива Скейл – пляж в полтора километра длиной, где находится Скара-Брей – поселение эпохи неолита. На север же она уходит ввысь по утесам туда, где растет вереск. У каждого поля есть название, достаточно прозаичное: например, Переднее поле, которое видишь, подходя к дому, или Овечье поле, со всех сторон укрытое за каменными стенами. Самое большое поле, Выгон расположен на побережье, в верхней части нашей фермы, где трава всегда короткая, потому что круглый год ее бьют ветер и брызги морской воды. Именно на этом поле пасутся летом овцы и ягнята, сюда их приводят с «детских» полей. Именно здесь хайлендские коровы, рыжие и рогатые, проводят зиму, бегая под бескрайним небом.

В некоторых старых сельскохозяйственных отчетах выделяют два вида земель: внутренние, или пахотные, расположенные близко к самой ферме, и внешние, или выгоны, некультивируемые, простирающиеся на большие расстояния и часто расположенные на склоне. Раньше эти внешние поля часто использовались как общие пастбища для нескольких ферм. Выгон расположен на самом дальнем участке фермы и возделывается лишь частично; туда приходят домашние и дикие животные, а люди заглядывают нечасто, так что духам там полное раздолье. Согласно оркнейскому фольклору, на холмах и в ущельях группами живут духи трау. Есть еще сказки о холмовичках – маленьком народце, который выползает летом из каменистой почвы, чтобы попроказничать.

На фотографии, сделанной на Выгоне в начале восьмидесятых, я сижу у папы на плечах. Папа с мамой показывают друзьям из Англии этот пришедший в запустение участок земли, который они недавно приобрели. Родители хотели купить ферму и ездили всё дальше и дальше на север, пока не нашли ту, что могли себе позволить. Семья и друзья удивились покупке и сомневались, что дело выгорит, – впрочем, как и местные. Жители Оркнейских островов повидали немало южан-идеалистов, которые переезжали сюда, но уже пару зим спустя возвращались домой.

Именно здесь, наверху, у холмов, я и выросла. Я никогда не боялась высоты. В детстве папа водил нас гулять по холмам. Я выдергивала свою руку из маминой и смотрела с обрыва вниз, на бурлящую воду. Ферму окружают месторождения серого песчаника – обрывы и крупные плиты. Эта монументальная горная порода и неумолимые стихии определили границы острова и моего мира.

Однажды наша собака сорвалась с обрыва. Щенок колли в шторм бегал за кроликами, не заметил, что оказался на краю, – и больше мы его не видели.

На улице ветрено. Я выбираюсь из своего укрытия и иду на Выгон в первый раз за много лет, вдыхая воздух полной грудью. На ферме нет деревьев, открытый пейзаж – сплошной простор.

Скалы спускаются к морю. Я в резиновых сапогах бреду по трещинам в песчанике, чтобы не поскользнуться. Выбившиеся из хвостика прядки лезут мне в глаза и рот, прилипают к смоченному морскими брызгами лицу – совсем как в детстве, когда я лазила за собаками под воротами и карабкалась через ограды.

Нахожу свое любимое место – каменную плиту, торчащую на вершине холма под опасным углом. Я приходила сюда подростком, в наушниках, нарядная, и в отчаянии смотрела на горизонт, мечтая сбежать. Наблюдала за биением волн и за тем, как чайки и истребители летают над морем.

В ясные дни на юг от пролива Пентленд-Ферт можно разглядеть вершины континентальных гор: Бен Хоуп, Бен Лойал, мыс Рат. На горизонте, на запад от Выгона, лежит Сул-Скерри – остров, где когда-то находился самый удаленный в Великобритании обитаемый маяк. Можно рассмотреть, как инженеры тестируют в море волновые генераторы. Сейчас отлив, и внизу, у основания утеса, обнажаются скалы. Когда мне было одиннадцать, рыбацкая лодка села там на мель.

С моего местечка открывается вид на север, на мемориал лорда Китченера в Маруике. В 1916 году, когда броненосный крейсер «Хэмпшир» затонул в трех километрах к северо-западу отсюда, подорвавшись на немецкой морской мине, Китченер и шестьсот сорок три из шестисот пятидесяти шести членов экипажа погибли. Некоторые из двенадцати выживших нашли приют в доме, который затем станет нашим.

Один из выживших, моряк У. М. Филлипс, живо описал в своих мемуарах ту трагическую ночь: «Полностью одетый, за исключением ботинок, я прыгнул и, сказав последнее прощай, погрузился в бурлящую воду». Филлипсу удалось забраться на большой плот, но там уже было слишком тесно, и обладателей спасательных поясов «попросили освободить место». «С улыбкой ответив нечто вроде „Мы еще раньше вас доберемся“, человек восемнадцать повиновались и прыгнули в волны, пожертвовав собой и подарив своим товарищам единственный шанс на спасение».

Плот много часов носился по волнам, и моряки уже боялись, что их выбросит на скалы и там они и встретят смерть. И всё же плот прибился к берегу в Небби, одном из заливов у Выгона. Гуляя по этому участку побережья, я представляю, как плот, по описанию Филлипса, «вклинился между утесами, словно его туда вставили человеческие руки». Представляю фермеров, которые в темноте брели по побережью в поисках выживших, и мертвые тела, выброшенные на скалы.

На Оркни почти всегда ветер. Хуже всего для обитателей ферм западные штормы, когда море бушует и за ночь передвигает тонны камней, так что наутро пейзаж становится неузнаваемым. Самыми красивыми бывают восточные штормы, когда ветер дует в унисон с приливом и на волнах образуется блестящий купол брызг, переливающийся на солнце. Старенькие фермы приземистые и крепкие, как и многие жители островов; они способны выдержать сильнейший шторм. Однако я этой прочности лишена: я высокая и неуклюжая.

Гуляя по столь хорошо знакомому мне побережью, я стараюсь не расчувствоваться. С тех пор как я уехала отсюда, прошло более десяти лет, и детские воспоминания смешиваются с недавними событиями – теми, что побудили меня вернуться на Оркни. Силясь открыть ворота, я вспоминаю, как твердила напавшему на меня человеку: «Я сильнее тебя».

В конце зимы земля коричневая и изможденная, и Выгон выглядит бесплодным, но я знаю его секреты. Как выяснилось, его разрушенная и заросшая ограда была постро-

ена еще в эпоху неолита, а часть камней, составляющих расположенное в десяти километрах отсюда Кольцо Бродгара, добыли в карьере, который находится совсем недалеко к северу. Видимо, один из этих камней как раз и лежит расколотый на склоне холма. Может, его обронили по дороге к Кольцу четыре тысячи лет назад. Помню, тут гнездилась стая полярных крачек; в сезон спаривания они пикировали у нас над головами так низко, что задевали нас крыльями. Летом здесь можно обнаружить находящегося под угрозой вымирания шмеля-чесальщика, опыляющего красный клевер, осенью тут растут галлюциногенные грибы, а на скалах круглый год красуется редкий вид морских водорослей, Fucus distichus, – он растет только на омываемых волнами скалистых северных побережьях.

В верхней части Выгона находится столбчатый морской утес размером с башню, известный как Спорд или Стэк о'Ру. Когда-то он был частью скалы, но теперь отделен от нее проливом. Летом на утесе гнездятся тупики, глупыши, бакланы, морские чайки и вороны. Я обычно пробиралась, тщательно обходя кроличьи норы, по поросшему травой склону к уступу, самому уютному месту, чтобы устроиться поудобнее и полюбоваться морскими птицами, посмотреть, как глупыши шумно защищают свои гнезда, а тупики возвращаются из морской дали.

На Выгоне нет никаких заборов, которые преграждали бы овцам путь к скалам и утесам. В первые годы жизни на ферме папа спускался и помогал застрявшим овцам выбраться, но по мере того, как стадо взрослело, молодые овечки начинали лучше ориентироваться на местности и всё увереннее держались на ногах.

Недавно прошел дождь, и спускающаяся к морю речушка разлилась. Когда-то мы с братом, Томом, любили играть здесь, толкая друг друга и собаку под каменный мостик. Кулики-сороки и кроншнепы вили гнезда в тракторных колеях, и мы бегали за птенцами, чтобы недолго подержать в руках их мягкие, горячие, бьющиеся тельца, а затем отпустить.

Я останавливаюсь на том месте, где в детстве видела, как сосед выскочил ненадолго из своего новенького трактора, чтобы открыть ворота, но не потрудился нажать на тормоз. И трактор, уже без водителя, поехал вниз по покатому холму. Сосед, как быстро ни бежал, не смог догнать его, и дорогущая машина перекатилась через край утеса и упала прямо в Атлантический океан.

Днем я возвращаюсь на Выгон покормить хайлендских коров, прижимаюсь к папе в тесной кабинке его трактора, совсем как в детстве. Я всё еще помню, где на дороге неровности и кочки, и держусь покрепче, когда мы их проезжаем. Папа опускает погрузчик с тюком силоса в кольцевую кормушку, и коровы собираются вокруг нее. Уже темно; я остаюсь в тракторе и смотрю, как папа в свете фар отрезает от тюка тонкую черную пластиковую каемку и сыплет корм, чтобы коровы могли наконец поесть. Папа почти полностью поседел и, хотя стеганый комбинезон он носит чуть ли не круглый год, перчатки ему больше не нужны.

Выгон спрятан за невысоким холмом, у побережья, и, если найти правильное местечко, не только вы не увидите никаких домов, но и вас не будет видно с дороги. Папа рассказывал, что в маниакальной фазе он, бывало, тут спал. Под конец дня, вновь укрывшись от ветра за морозильным ларем, скрутив сигаретку и глядя на пасущийся скот, я повторяю опыт отца.

Глава 2
Толчки

Прогулявшись по Выгону, я иду не домой, а в загончик для оборудования. Открываю дверь трейлера, в котором теперь живет папа. Снаружи его поджидает собака, а лошади тянут шеи из-за ворот, высматривая сено. Старый трейлер от ветра защищают бетонные блоки. Одно из окон выбило прошлой зимой во время шторма, и отверстие залатали деревянным щитом.

Внутри я нахожу папу. Поверх связанного мамой свитера, который он до сих пор носит, пусть теперь на локтях и красуются заплатки, на нем рабочий комбинезон, а в карманах, как всегда, шпагат для обвязки тюков и перочинный ножик. Папа сидит в обитом мягкой тканью угловом кресле, откуда через большое окно из оргстекла открывается лучший вид на участок и поля, а за ними на залив и мыс. За день и небо, и отблески на волнах не раз меняют цвет из-за быстрых порывов атлантического ветра. Облака расступаются, и волны заливает солнечный свет. В низкий прилив обнажается часть скалы. Иногда свет озаряет холмы Хоя, другого острова к югу от мыса, так что видны мельчайшие детали, а в другое время холмы полностью скрыты туманом.

Трейлер освещают лучи зимнего солнца, и в воздухе кружится принесенная снаружи пыль и дым папиных самокруток. У двери висит уличная одежда и стоят резиновые сапоги; низкий столик устлан бумагами, относящимися к разным делам фермы; мерцает газовый камин.

В противоположном углу спальня, а собака ночует под трейлером, как волк в своем логове, прямо под тем местом, где спит папа.

«Чувствуешь что-нибудь?» – спрашивает папа и начинает рассказывать мне о толчках, хотя я о них и так знаю. Эта земля, с ее утесами и пляжами, где, говорят, впервые заявил о себе Сторский змей, где влачили жалкое существование жители острова Скара-Брей, где затонул «Хэмпшир», хранит немало тайн.

Некоторые жители западного побережья Оркни, включая папу, заявляют, что иногда ощущают толчки или слышат гул – низкое эхо, которое, кажется, способно сотрясти весь остров, оставаясь при этом настолько тихим, что сомневаешься, слышал ты что-то или тебе померещилось. «Его почти не слышишь, скорее чувствуешь, – говорит папа. – Это негромкий гул, как гром где-то вдалеке. И всё же земля дрожит так, что окна и полки трясутся. Толчки однократные, но часто они повторяются несколько раз в течение пары часов».

Местные говорят, что уже много лет ощущают эти толчки, но не могут выявить никакой закономерности. Им любопытно, природное это явление, дело рук человека или нечто сверхъестественное – да и происходит ли это вообще на самом деле.

Чтобы разобраться, нужен экскурс в топографию Оркни. И начнем мы с геологии западного побережья Мейнленда с его высокими отвесными скалами Маруик, Йеснаби и Хой, морскими утесами, крутыми обрывами и коварными течениями, на совести которых немало кораблекрушений. Возможно, причиной гула и толчков является волновая активность в пещерах, лежащих глубоко под полями. Когда большая волна попадает в тупиковую пещеру, она не дает воздуху выйти и сжимает его, создавая высокое давление. А когда волна отступает, пузырьки воздуха взрываются, – так и рождается гул.

Некоторые говорят, что звуковые удары производят военные самолеты. Километрах в ста от Оркни, на материке, на мысе Рат, находится полигон министерства обороны, и военные учения проходят и на берегу, и в открытом море. Эта редконаселенная территория – одно из немногих в Великобритании мест, где можно взрывать тяжелые снаряды. Только они могли бы сгенерировать настолько мощный звуковой удар, чтобы тот сумел достичь Оркни – и то лишь если ветер поможет. Высокоскоростные самолеты тоже могут посылать звуковую волну, ведь они опускаются в более плотные слои воздуха, практикуясь в бомбометании с пикирования. Однако, хотя папа иногда видит и слышит самолеты, их появление, по его словам, с толчками не совпадает. А может, это дело рук куда более таинственных или даже призрачных островных духов? Как гласит легенда об Ассипатле и Сторском змее, жил-был огромный морской монстр – такой большой, что мог оборачиваться вокруг земного шара и уничтожать города одним движением языка. Местный бездельник по имени Ассипатл мечтал спасти мир, и ему выпал этот шанс: он убил Сторского змея, засунув ему в печень кусок горящего торфа и медленно поджарив чудовище изнутри. Сторский змей извивался в предсмертной агонии, тряс головой, и изо рта у него выпали сотни зубов, которые и стали Оркнейскими, Шетландскими и Фарерскими островами. Доползя до края земли, змей свернулся калачиком и умер, а его тлеющее тело стало Исландией – страной, полной горячих источников, гейзеров и вулканов. Но печень всё еще горит, так что, может, Сторский змей и не умер. Возможно, он щекочет побережье своим щупальцем, и толчки – это отголоски его предсмертной агонии.

Когда мы с папой разговариваем о толчках, я немного волнуюсь. Обычно мы ограничиваемся обсуждениями фермы: какие работы надо выполнить или в каком состоянии овцы и земля, и теперь, когда он говорит о труднообъяснимых ощущениях или странностях геологии, у меня закрадывается подозрение, что он входит в маниакальную фазу. Мама научила меня распознавать признаки. Сначала с папой может быть очень интересно: он становится разговорчивым, оптимистичным и энергичным, но затем начинает совершать импульсивные покупки, вроде дорогих подъемников или оборудования для фермы, гулять всю ночь, а потом

внезапно перегонять скот в четыре утра; в голову ему приходят самые невероятные идеи, и он думает, что способен управлять временем и погодой.

На полу в трейлере стоит табурет, который раньше, как я помню, был в доме. Папа его смастерил в больнице, когда был еще подростком. В пятнадцать ему впервые диагностировали маниакально-депрессивный психоз – то, что сейчас называют биполярным расстройством, – и склонность к шизофрении. С тех пор папа периодически переживает взлеты и падения разной амплитуды. Нашу семью резко швыряло то вверх, то вниз на волнах жизни в зависимости от цикла маниакально-депрессивного психоза. Было дело, его насильно клали в психиатрическую больницу, обрядив в смирительную рубашку, а бывало, он месяцами лежал в постели, не произнося ни слова. Сегодня отец активный и жизнерадостный, но, когда он ведет себя тихо, я беспокоюсь: а не начало ли это депрессивного периода – очередной долгой бездеятельной зимы?

Однажды, когда мне было лет одиннадцать, отцу стало так плохо, что он просто ходил по дому, разбивая окна одно за другим. В комнату ворвался ветер, сметая тетради с моего стола. Когда подоспел врач с транквилизаторами, а за ним полиция и скорая, я закричала на них, пытаясь прогнать. Отцом овладела какая-то внешняя сила, неподвластная его контролю. Когда седативные уже начали действовать, мы уселись вместе на полу в углу моей комнаты, и я угостила его бананом. «Ты моя девочка», – сказал он.

Наравне с психическим заболеванием отца мою жизнь определили невероятная религиозность матери и родные пейзажи с монотонным биением морских волн о скалы. Я читала о так называемом процессе обмеления, когда волны становятся выше, а потом обрушиваются, достигая прибрежного мелководья. Но энергия никогда не истощается. Энергия волн, пройдя сквозь океан, превращается в шум, тепло и вибрации, которые земля поглощает, а люди чувствуют из поколения в поколение.

С подросткового возраста папа проходил электросудорожную терапию пятьдесят шесть раз. Этот метод используется для лечения самых тяжелых психических заболеваний. В мозг подается импульс электрического тока, чтобы вызвать судорогу. Никто толком не знает, как и почему это работает, но пациенты часто сообщают об улучшении состояния, по крайней мере временном.

В день моего рождения на воде поднялась рябь, и, хотя я и уехала далеко из родных краев, во время припадков, которые начались, когда я стала больше пить, ощущение бывало такое, словно гул островов настиг меня. В одиноких лондонских спальнях и туалетах ночных клубов у меня схватывало судорогой запястья и челюсти и немели конечности. Вливание в себя алкоголя на протяжении многих лет чем-то походило на постоянное биение волн о скалы – и тоже начало причинять физический ущерб. Где-то в глубине моей нервной системы что-то рушилось и сотрясало мое тело столь мощными толчками, что я не могла пошевелиться и исходила слюной, пока толчки не затихали, давая мне возможность выпить еще или вернуться к общему веселью.

Глава 3
Флотта

Даже в самый ясный день на Оркнейских островах дует прохладный ветерок с моря, напоминая нам о том, что мы находимся на острове, хотя мы-то привыкли самый большой остров архипелага называть материком, а всё остальное – просто югом. Как только в начале августа завершается сезон сельскохозяйственных выставок, к концу подходит и лето, а дальше только дуют постоянные ветра. Осень короткая, деревьев мало, и зима добирается до нас быстро.

Десять лет назад в ветреный день осеннего равноденствия я приехала домой на несколько месяцев, потому что мне после выпуска не удавалось найти работу в городе. В тот год мои родители расстались, как происходит со многими, а я, как бывает почти всегда, и не думала, что это случится с ними, хотя, пожалуй, даже удивительно, что маниакально-депрессивный тип и ревностная христианка протянули вместе так долго.

Я работала уборщицей на нефтяном терминале на острове Флотта и каждый день добиралась туда на рабочем пароме, который на рассвете отправлялся с Хоутонского пирса. С начала семидесятых годов трубопроводы и танкеры доставляют на терминал из Северного моря сырую нефть – темную энергию дна морского. Нефтяная промышленность стала для Оркни спасением: работа в этой сфере – одна из самых высокооплачиваемых на наших островах, но уборщики остаются на низшей ступени социальной лестницы.

Поездки были лучшей частью рабочего дня. Каждый день я проезжала весь остров на рассвете, а домой возвращалась на закате. Паром разгонялся, устремляясь за линию горизонта, мелькали туманные пастели, обрамляющие острова и отражающиеся в водах Скапа-Флоу, а я слушала Radio Orkney или драм-н-бэйс. Вечерами пейзаж окрашивался в электрические оттенки красного и оранжевого – такие же, как пламя газового факела, где сжигают попутный газ, на терминале, как огоньки на нефтяных танкерах в море.

Дома я снимала рабочую одежду (однако легкий запах отбеливателя всё равно оставался) и коротала ночи одна в фермерском доме, где прошло мое детство: мама недавно съехала, а папы вечно не было. Я сидела одна в доме на краю утеса, пила и курила за обеденным столом, где мы когда-то ели все вместе, занималась нелюбимой работой, звонила в полночь находящимся далеко друзьям, попивая алкоголь папиного изготовления, а наша семья разваливалась у меня на глазах. Иногда, прикончив одну бутылку, я ехала за новой в ближайший открытый магазин, находящийся в восьми километрах от дома. Наутро я садилась на паром с похмелья, в наушниках, злая и измученная болью.

На нефтяном терминале я убирала спальни рабочих, драила санузлы, подметала коридоры и заправляла кровати. Я познакомилась с разными видами грязи: от невидимого, но остро пахнущего пота на простынях до высохших грязных следов, с которыми пылесос справляется довольно неплохо. Пятна пасты на зеркалах выдавали любителей усердно чистить зубы, а пепел – тех, кто курит из окна в зоне для некурящих. Засохшее и жидкое дерьмо, что так умело различала моя начальница, надо было убирать совершенно по-разному. На сиденьях унитаза оставались лобковые волосы, в большинстве комнат, которые я убирала, обнаруживались недопитые бутылки Irn-Bru, а в некоторых на коврах валялись обрезки ногтей с рук и ног.

Таскаясь со шваброй по безымянным коридорам с мигающим освещением, я чувствовала себя призраком. Во внешнем мире, там, на юге, про меня совсем забыли, а я застряла на острове с мешками для мусора, силясь самостоятельно протащить тележку для белья через вращающиеся двери. Я была одной из тех стен, у которых есть уши: я знала, в своих ли кроватях спали рабочие прошлой ночью. Я была загадочной невидимкой, которая поспешно уда-

ляется, заслышав шаги. Возвращение на Оркни было крушением всех надежд, и работу уборщицы я считала лишь способом заработать денег, чтобы уехать опять.

Тогда, в восемнадцать, я не могла дождаться, когда уеду. Жизнь на ферме казалась мне грязной, тяжелой и нищей. Я мечтала о комфорте и гламуре, хотела быть в центре событий. Я не понимала тех, кто заявлял, что хочет жить в деревне и наблюдать за дикой природой. Люди были мне интереснее животных. Зимой мне приходилось носить уродливую верхнюю одежду и вычищать стойла, а я мечтала о горячем пульсе города.

Но в своей студенческой квартире я, бывало, мысленно сопоставляла площадь города и нашей фермы, думая о том, что на одних и тех же шестидесяти гектарах тут живут тысячи людей, а там – лишь моя семья и животные. Меня сводило с ума осознание того, что в многоквартирном доме лишь несколько метров отделяет меня от людей, с которыми мы даже не знакомы. Соседи окружали меня и слева, и справа, и сверху, и снизу, и разделяли нас лишь тонкие стены. Я мало говорила об Оркни с новыми друзьями, но, лежа в кровати и слушая ветер за окном, мысленно переносилась на ферму и думала о наших животных, которые мерзнут сейчас на улице.

Там, на юге, я обычно называла себя шотландкой или говорила, что «приехала с Оркни», но настоящему оркнейцу так представляться не стала бы. Хоть я и родилась на Оркни и прожила там до восемнадцати лет, оркнейского акцента у меня нет, да и родители мои из Англии. Родители познакомились, когда им было по восемнадцать, в манчестерском колледже. Папа заново готовился к выпускным экзаменам, которые пропустил из-за первых приступов болезни, а мама изучала экономику. Мама выросла на ферме в Сомерсете, а папа, сын учителей из Ланкашира, – в пригороде Манчестера. Именно поездки к маме на ферму вдохновили его поступать в сельскохозяйственный колледж. И пусть родители прожили на островах тридцать с лишним лет – больше половины своей жизни, их всё еще воспринимают как англичан, «южан».

Англичане обычно думают, что у меня шотландский акцент, а шотландцы принимают меня за англичанку. На Оркнейских островах раньше было принято говорить не «Откуда ты?», а «Ты чей?». Родителям часто задавали этот вопрос, когда они переехали. Я хоть и с Оркни, но далеко не всегда чувствовала себя там своей. В младших классах слово «англичанин» было у нас оскорблением.

Когда я была маленькой, пропал единственный чернокожий мальчик из средних классов. Он жил возле утесов Йеснаби. Помню, его младший брат зашел в наш школьный автобус, а взрослые что-то серьезно обсуждали на остановке. Примерно через неделю волны вынесли тело пропавшего на пляж. Мой опыт общения с другими детьми подсказывал, что это расизм привел его на вершину утеса.

В подростковом возрасте мне стало казаться, что все нарочно сговорились выдавать Оркни за райский уголок, и я не хотела в этом участвовать. В буклетах для туристов напирали на красоту и историю, бесконечно печатая одни и те же фотографии менгиров и красивых извивающихся улиц Стромнесса, а я видела вокруг лишь скучные здания и серое небо. Но, несмотря на свое вечное недовольство, я была готова дать отпор любому, кто усомнится в очаровании Оркни.

И эта двойственность знакома многим молодым людям с островов. Мы снова и снова возвращаемся туда: нас несет неизбежным приливом. Я выросла под огромным небом, на просторе, и всё же мое жизненное пространство ограничивалось островом и фермой. Как-то в выходной я отдыхала на пристани в Керкуолле. В моих волосах играл ветер, пахло рыбой и бензином, а вдалеке, на море, на низких холмах северных островов – Шапинсея, Сандея и лежащего на горизонте Папа-Уэстрея – мерцали огоньки. Пожив в Лондоне, я начала выделяться среди жителей этого маленького городка и не хотела оставаться тут.

Подростками мы потешались над туристами. Для нас этот объект мирового наследия был родным домом, а не местом, куда покупаешь билеты и едешь в отпуск. Вечерами, когда автобусы с туристами разъезжались, мы с братом и друзьями забирались в каменные дома и склепы эпохи неолита в перчатках без пальцев и с одноразовыми пленочными фотоаппаратами. Наутро смотрители находили там догоревшие маленькие свечки и пустые бутылки от вина.

Я была безрассудным ребенком. Я забиралась на каменные ограды и на односкатные крыши. Я прыгала с высоких стропил в сено или на мешки с шерстью. Потом я начала тусоваться – алкоголь, наркотики, отношения, секс, – в погоне за сильными чувствами мечтая испытать всё, не заботясь о последствиях и яростно сопротивляясь попыткам вернуть меня на путь истинный. Я жила суровой, ветреной, запутанной жизнью.

Люди, выросшие на ветру, сильные, закаленные и умеют найти убежище. Я была далеко, когда продали наш дом. Вырученные деньги родители поделили. Папе осталась ферма, и он поставил вместо дома трейлер, чтобы ночевать там, если не остался у подружки, а мама купила дом в городе и на ферму наведывалась редко.

Мама была женой фермера, дочерью фермера, но, главное, она и сама была фермером. Она не только готовила и занималась домашней работой, но и водила трактор, чистила стойла, строила заборы и каменные ограды, вновь и вновь заделывала ямы на дороге. Они с папой вместе глистогонили овец и обрезали им копыта, избавляя от копытной гнили, а перед посевом ячменя вместе убирали со вспаханных полей камни, которые каждый год появлялись из-под земли. Папа стриг овец, а мама скатывала шерсть в тугие клубочки. После развода она ужасно скучала по ферме, но приезжать сюда было слишком тяжело.

⁂

Все уборщицы были женщинами, а убирали мы исключительно мужские комнаты. Мои коллеги весь день что-то чистили, терли и мыли на работе, а потом возвращались домой и там делали то же самое для своих мужей и детей, и так год за годом. Они были знатоками своего дела. Наблюдая, как ловко моя начальница обращается со шваброй, как она выжимает ее под нужным углом и с нужной силой, чтобы та была мокрой и мыльной ровно настолько, насколько нужно, я понимала, что такого уровня никогда не достигну. Я думала о том, что пожарные на острове как-то сами справляются со стиркой и уборкой постелей.

Собирая в пары выцветшие носки, выбрасывая порнографические картинки и намывая туалеты, я задумывалась: а не была бы я счастливее, если бы и не уезжала отсюда? Не была бы жизнь легче, если бы я вышла замуж за одноклассника и не сидела в интернете, если бы между желаниями и возможностями не было такого огромного разрыва? Я думала о маме. Может, и она хотела большего. Она была ненамного старше меня, когда родила второго ребенка, а отец, начиная со дня моего появления на свет, неоднократно оставлял ее одну. Она была способной и заботливой женщиной, и жизнь на далеком острове, на ферме, стоящей на утесе, довела ее до ручки.

Мама ударилась в религию, когда мы с братом были еще маленькими и ей приходилось присматривать за фермой и двумя малышами, пока муж лежал в психиатрической больнице за морем, за триста двадцать километров от нее. Однажды ей пришлось продать целое стадо овец, потому что она не справлялась с ними одна и не знала, когда вернется папа. Родители думали, что ферме пришел конец, но вместе им удалось вырулить. Ее вера долгие годы во многом поддерживала нашу семью, но потом стала одной из причин распада.

Папа сказал бы, что современная евангелическая церковь завлекла ее в свои сети и промыла ей мозги. Мама сказала бы, что церковь спасла ее. Моя позиция зависит от того, с кем я разговариваю. Я помню, как люди из церкви помогали нам и украшали нашу гостиную, пока папа был в больнице. Он помнит, как возвращался и находил дома, в том числе и в супружеской спальне, новые Библии и другие религиозные книги.

Дни становились короче, и вот уже я и уезжала на работу, и возвращалась домой в темноте. Под конец долгой, промозглой оркнейской зимы я как будто растаяла, слившись с тенями. Однажды, в очередной раз таща пылесос вверх по застекленной лестнице, я вошла в столб солнечного света. Я огляделась, чтобы убедиться, что рядом никого нет, и просто легла на ковер, и солнце грело мне голову.

В другой день, уже не в первый раз обнаружив меня плачущей в туалете, начальница из самых благих побуждений сказала, что мне придется уйти, потому что это место, очевидно, не для меня. В день следующей получки я в последний раз поехала домой на пароме для рабочих. А еще через несколько дней я прошлась по всем комнатам, прощаясь с домом, собрала рюкзак и уехала в Лондон, взяв билет в один конец.

COASTGUARD

Глава 4
«Лондонские поля»

Май – месяц, когда я на многое способна и готова к переменам: я родилась в мае, да и мое второе имя – Мэй. Всё будто дышит пьянящей свободой: я решаюсь на новую стрижку, принимаю ванну в шесть утра, рисую, наряжаюсь в странные платья, хожу на собеседования и принимаю наркотики. Вокруг появляются люди, в которых можно влюбиться, а я полна энергии, которая будто притягивает ко мне всё новое, да и в еде и сне нуждаюсь меньше, чем обычно. Я больше пью. Я отлично себя чувствую, держу спину прямо и уверенно разгуливаю по городу. Всё, чего я хочу в эти дни, – это получить как можно больше нового опыта. Я говорю жизни «да» и с волнением и воодушевлением выхожу навстречу новому дню.

Мы назвали эту тусовку пикником, хотя собрались не ради еды, да и вообще ее было мало: несколько баночек соусов из магазина за углом, которые заветривались на солнце, да упаковка помидоров черри. Мы сидели на одеяле в радужную полоску. Это был один из первых по-настоящему жарких дней в году, и солнце так приятно грело мои голые ступни. Я поглаживала ноги под длинной юбкой.

В Лондоне, с его огромными расстояниями, проездными билетами и дорогим жильем, все мы жили достаточно изолированно, и приходилось искать новые способы сколотить компанию. Как только выдавался солнечный выходной, мы отправлялись в парк «Лондонские поля». Это было негласным правилом: все ребята, считавшие себя крутыми, приходили посидеть на грязной траве неподалеку от пабов, магазинов, продающих спиртное, и банкоматов, пока семьи и владельцы собак гуляли неподалеку на игровой площадке.

Там практически оживали картинки из глянцевых журналов, которые листаешь у себя в спальне в пригороде. В поисках своих друзей я шла мимо развалившихся на траве девчонок в готических пачках и парней в матросках, а в наушниках играла электронная музыка. Каждая девчонка в парке тщательно продумала свой наряд: тут были и домохозяйки из пятидесятых в клетчатых платьях и платках, и преподавательницы аэробики из восьмидесятых в леггинсах и трико, и аристократичные хиппи. Парни выглядели как моды, скейтеры или хилые лесорубы. Такой жары на Оркни никогда не бывало. Я была за границей.

Переехав в Лондон, я с энтузиазмом погрузилась в местную жизнь. Я сорвалась сюда внезапно, без малейшей определенности, зато полная веры в себя. Несколько раз в неделю по вечерам я ездила на автобусе в Сохо и Шордич, ходила там в ночные клубы, о которых раньше читала в журналах. Я пробовала красить свои светлые брови красным карандашом для глаз или делать ножницами вырез на спине платья, а на автобусную остановку отправлялась уже с бутылкой. В тот, первый, год я познакомилась с огромным количеством людей: с кем-то – в онлайн-чатах, с кем-то – пока ждали выступления группы в клубе. Я представлялась сама: «Привет, я недавно переехала, и у меня нет ни копейки, давайте я буду писать для вашего блога?», «Я видела тебя на Friendster», «Я читала твою колонку в сети».

Когда кто-то из присутствующих на пикнике предлагал сходить за бухлом, все вздыхали с облегчением. Ему протягивали купюры, просили взять сидра или вина. Он уходил, а мы оставались ждать; девчонки вили цветочные венки и заплетали друг другу косы, парни катались по очереди на чьем-нибудь велосипеде. Мы вели себя как дети, а не как взрослые мужчины и женщины и жаждали безудержного веселья. Мы писали сообщения, приглашая людей присоединиться к нам в следующий раз, обещая, что новая вечеринка будет лучше. С каждым разом мы гуляли всё разнузданнее. Мы ездили из одного клуба в другой на такси и покупали слишком дорогие напитки.

Рядом с нами сидела компания юных и наивных клубных торчков, которые явно не спали прошлой ночью. На одном из них красовалась маска в виде головы льва. Они фоткали друг друга и смеялись.

Мы болтали о работе, о том, берут ли после стажировки на оплачиваемую постоянку, сыпали именами дизайнеров, издательских домов, звукозаписывающих студий. Парень в легинсах, похожий в них на лорда восемнадцатого века, громко жаловался, что на его проект выделили лишь десять тысяч фунтов. Другая девчонка выпрашивала у всех ЛСД, и было такое чувство, будто это последний день какого-нибудь фестиваля, который длится вечно. Еще один парень говорил в трубку: «Да, тут можно легко разжиться».

День медленно превращался в вечер, мы перетаскивали одеяло, чтобы оставаться на солнышке, и в итоге все гуляющие оказались на одном пятачке земли, усыпанном окурками и пустыми жестянками. Рядом с нами мужчины, попивающие крепкий лагер из банок, завернутых в тонкие синие пакеты, продавали странные книги и прочие штуки, выложив их прямо на земле: розовый пластиковый телефон, сборник рецептов для фондю, детские ролики, чайник без крышки. Можно было и пакетиком травы разжиться, если знать, у кого спрашивать.

Глория отмечала день рождения, и кто-то принес с собой бутылку попперсов. Мы сначала отнекивались, вспоминая подростковый опыт и то, как от них болела тогда голова, но всё же пустили ее по кругу, попеременно нюхая попперсы и глотая розовое игристое вино прямо из бутылки.

На Мэг были совсем коротенькие шорты, топ-халтер и солнцезащитные очки в стиле Лолиты. Одной ногой она обвивала ногу своего бойфренда, хотя сама и не прижималась к нему. К нам подошел незнакомец в костюме, явно слишком теплом, не по погоде, и попросил у Мэг разрешения сфотографировать ее «для сайта со стритстайл-образами». Мэг состроила недовольное лицо, но затем согласилась и начала умело позировать.

Когда мимо нас проходила группа родителей с колясками, казавшихся нам инопланетянами, Мэг сказала: «Ведите себя нормально». «Но я не хочу быть нормальной», – возразила Глория. На ней был ярко-бирюзовый комбинезон. Мэг капнула медом, который мы добавляли в убийственные коктейли, на свою узкую лодыжку, прямо над туфлями на пробковой подошве, и на нее полезли муравьи. Опьянев, мы наблюдали за тем, как крошечные насекомые наперегонки мчатся к своей сахарной смерти, а Глория надувала мыльные пузыри. Кто-то сказал, что это жестоко, но Мэг уверяла, что муравьям очень весело. Она была слишком красивой, мне так и хотелось поставить ее на место.

Мы бегали в магазин за бухлом всё чаще, хохотали всё громче и продолжали передавать попперсы по кругу. Кто-то – вполне вероятно, что и я, – уронил бутылку, и ее содержимое пролилось на одеяло в радужную полоску. Все ринулись к мокрому пятну, склонились над ним, шумно вдыхая попперсы с ткани и хихикая, как столпившиеся у корыта свиньи. Это было глупо, жалко и смешно. Надышавшись, я перевернулась на спину и уставилась в небо. Горизонт кренился, а я лежала, словно укутанная теплым светом. Мы с друзьями летали. Мы были все липкие и сладкие от солнцезащитного крема и меда, по нам ползали муравьи, солнце слепило меня; я никогда еще не была так пьяна.

Солнце садилось. Мы придвигались всё ближе друг другу, и вот уже лодыжки соприкасались с расслабленными запястьями и держащими сигареты пальцами. Мы то и дело смущенно отводили взгляд вниз, на траву; наши пьяные мысли витали где-то в облаках, где пересекались белые следы самолетов. Я прикоснулась большим пальцем ноги к его щетине. Заметив синяки на его плече, ощутила мощный прилив желания.

Позже, на вечеринке в складском помещении, я оторвалась от остальных, но мне и одной было хорошо. Волосы собраны в высокий тугой пучок, длинное платье, в руках напиток, бит

качает – я чувствовала, что парю высоко над землей. Я становилась самой собой. Бледные плечи, выделяющие меня в толпе ярко-алые губы, поднимающаяся вверх струйка дыма…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.